

заимствования относятся к его «Истории после Полибия», оконченной около 80 г. до н. э. и сделаны они из тех глав, где трактовались сиро-парфянские войны. На основании дошедших до нас отрывков из истории Посидония, сохранных главным образом Афинеем, устанавливается, что история Сирии излагалась в главах III—VI (от 145 г. до пленения Деметрия II Никатора парфянами), XII—XVI (вероятно, до смерти Деметрия II в 125 г.), затем, повидимому, в книгах XVII—XXII, XXVIII (Сирия при Антиохе Грипе до воцарения Клеопатры) и, вероятно, также в XXXIV, где изложение доводилось до смерти Антиоха Грипа¹.

Из V книги, повествовавшей об истории Деметрия, сохранился отрывок, относящийся к изображению обычаев парфянского царского двора и рассказывающий о положении «друзей царя» за царской трапезой. Якоби склонен сохранные Страбонем XI, 9, 3 сведения Посидония о парфянском сенате относить к той же книге Посидония. Предположение Якоби кажется правдоподобным, так как описание парфянских обычаев вполне естественно помещать в главах, посвященных большой войне с парфянами, вторжению сирийских войск в пределы парфянской территории, окончившемуся пленением Деметрия. Описание положения «друзей царя» за царской трапезой могло иметь отношение к пребыванию Деметрия в плену, оказавшегося в положении «царских друзей». Весьма возможно, что в этот же раздел было включено и описание прилегающих к Парфии и близких ей по культуре стран, к которым относились Иберия и Армения. В таком случае сведения об Иберии, которыми располагал Посидоний, должны были восходить к концу 40-х, началу 30-х годов II в., т. е. не менее чем за 70 лет до кавказского похода Помпея; и в это время Иберия представляла уже вполне сложившееся царство эллинистического типа с укрепленными городами, развитой торговлей, царской властью и сословным делением.

А. И. Болтунова

ПЕРГАМСКИЙ ДЕКРЕТ 133 года до н. э.

Мало известный в русской историографии Пергамский декрет 133 г.² является одним из наиболее важных документов по истории Пергамского царства. Он относится к самому напряженному периоду пергамской истории, когда вспыхнуло крупнейшее в эллинистическом мире восстание рабов и бедноты под руководством Аристоника и решался вопрос о возможности существования самостоятельного Пергама и установления в нем нового социального строя или же о передаче всего государства под господство Рима.

Пергамское царство находилось тогда в зените своего расцвета в экономическом и культурном отношении, и казна пергамских царей была полна. Это не означало все же прочности международного и внутреннего положения Пергама, как об этом свидетельствуют бурные события, развернувшиеся в Пергаме после смерти последнего царя Аттала III.

Античная литературная традиция почти не дает сведений социального и политического порядка относительно этого последнего периода пергамской истории. Несмотря на то, что около 20 античных авторов затрагивало в своих трудах события, развернувшиеся в связи со смертью последнего Атталида, все же история Пергама в период его царствования осталась темным пятном в их изложении. Литературные источники этого периода весьма скудны, сбивчивы, часто даже противоречивы.

¹ Jacoby, FHG, IIC, № 87, стр. 155—156.

² Inscr. v. Perg., VIII, 249=OGIS, 338=IGRR, IV, 289.

Особо важное значение поэтому приобретают эпиграфические памятники, первое место среди которых занимает хорошо сохранившийся текст Пергамского декрета. Он дает возможность по-новому поставить и частично разрешить ряд исторических проблем, возникающих при изучении последнего периода истории Пергама. На основании данных этого декрета по-иному, чем в литературных свидетельствах древних, можно осветить вопросы о характеристике Аттала III, о подлинности его завещания в пользу Рима, о политической обстановке в Пергаме к моменту смерти Аттала III, о времени начала восстания рабов и бедноты в Пергамском царстве.

Кроме того, подробное перечисление разных категорий жителей в тексте декрета дает возможность установить в некоторой степени социальные группы пергамского населения и указывает различные категории войск, главным образом наемников Пергама.

Приведем текст декрета ¹:

- Ἐπὶ ἱερέως Μενεστρά[του τ]οῦ Ἀπολλοδώρου, | μὴνὸς Εὐμμενίου ἐννε[ακ]αίδε|κάτη
 ἔδοξεν τῷ | δῆμῳ, γνῶμη στρατηγ[ῶν· ἐπε]ὶ βασιλεὺς Ἄτταλος | Φιλομήτωρ καὶ Εὐεργέτης
 5. μεθισ|τάμενος ἐξ ἀν|θρώπων ἀπολέλοιπεν τῆ[μ] πατρί|δα ἡμῶν ἐλευθέρων, | προσορίσας αὐτῆι
 καὶ πολε|τικῆ| γῶραν ἣν ἔχριν[εν], | δεῖ δὲ ἐπικυρωθῆναι τὴν διαθή[κην] ὑπὸ Ρωμαίων,
 10. [ἀναρχαῖ]|όν τέ ἐστιν ἐνεκα τῆς κοινῆς ἀσ[φ]αλείας καὶ τ[ᾶ] ὑποστ[α]τ[η]γμένα γένη
 μετέχσιν τῆς πολιτε[ί]ας διὰ τὸ ἀπι[σ]ταν εὐ||νοιαμ προσενηγέχθαι πρὸς τὸν δῆ[μ]ον·
 ἀγαθῆ|ι τύχη, δεδῶ|χθαι τῷ δήμῳ, δεδῶσθι πολιτείαν [τ]οῖς ὑπο[γ]ραμμέ||νοισ· τοῖς ἀνα-
 15. φερομένοις ἐν ταῖς τῶ[ν] παρο[ί]κων ἀπο||γραφαῖς καὶ τῶν στρατιωτῶν τοῖς κα[το]ικοῖσιν
 [τῆμ πό]|λιγ καὶ τῆγ χώρην, ὁμοίως δὲ καὶ Μικεδό[σι]ν καὶ Μυ[σοῖ]ς|| καὶ τοῖς ἀναφερο-
 20. μένοισ ἐν τῷ φρουρίῳ καὶ [τῆι πό]λει τῆι ἀρχαῖαι κητοῖκοις καὶ Μισοθυνοῖς
 κα[ὶ] καὶ παραφυλακίταις καὶ τοῖς ἄλλοις ἐ[πι]κούροισ τοῖς κατοικοῖσιν ἢ ἐνε-
 25. κημένοις ἐν τῆι πόλει|| ἢ τῆι χώρῳ, ὁμοίως δὲ καὶ γυναιξίγ καὶ παισ[ίν]. || εἰς δὲ τοὺς
 παροίκοις μεταστῆναι τοὺς ἐκ [τῶν] | ἐξελευθέρων καὶ βασιλικούς τοὺς τε ἐνήλικα[ς]|| καὶ
 30. τοὺς νεωτέρους, κατὰ τὰ αὐτὰ δὲ καὶ τὰς γυναίκα[ς] πλήν τῶν ἡγορασμένων ἐπὶ τοῦ
 Φιλαδέλφου| καὶ Φιλομήτορος βασιλέων καὶ τῶν ἀνεληγμένων(ν) || ἐκ τῶν οὐσιῶν τῶν
 γεγεννημένων βασιλικῶν, κατὰ τ[ᾶ]||τὰ δὲ καὶ τοὺς δημοσίους. ὅσοι δ[έ] τῶν κητοικούν[των]
 35. ἢ ὅσοι ἐγλελοιπασιν ὑπὸ τὸν κληρὸν τῆς (τελευτῆς) τοῦ βασιλέως | ἢ ἐγλίπωσιν τῆμ πόλιν ἢ τῆγ
 χώρην, εἶναι αὐτοὺς κα[ὶ] | αὐτὰς ἀτίμους τε καὶ τὰ ἐκατέρων ὑπάρχοντα τῆς || πόλεως.
 τετραδί ἀπίοντος | [ἔ]δοξεν τῷ δήμῳ, γνῶμη στρατηγῶν. ἐπεὶ [|ἐν τῷ γε|νομένῳ] ι ψηφί-
 35. σματι παρ[ι] τοῦ δοθῆναι πολιτε[ί]αν τοῖς | ἀναφερομένοις ἐ|ν ταῖς τῶ[μ] παρ[ο]ίκων
 ἀπογραφαῖς [καὶ] | τοῖς λοιποῖς γένεσιν τ[οῖς] δηλουμένοις ἐν τῷ ψηφ[ί]σ[μα]τι καὶ παρ[ι]
 τοῦ μεταστῆναι εἰς τοὺς] παροίκοις τοὺς [ἐκ|τῶν ἐξελευθέρων καὶ βασιλικούς κ]αὶ
 [δ]ημοσίους|

Вся надпись легко читается, и только одно очень важное место в ней вызы-
 вает сомнения: προσορίσας αὐτῆι καὶ πολε[. . .] γῶραν ἣν ἔχριν[εν].

Первый издатель этой надписи Френкель восстанавливает эти строки следу-
 ющим образом: προσορίσας αὐτῆι καὶ πολε[μ]ικῆ| γῶραν ἣν ἔχριν[εν] (δεῖν ἰσονομῆσθαι). Дит-
 тенбергер предлагает: προσορίσας αὐτῆι καὶ πολε[ιτικῆ|] γῶραν ἣν ἔχριν[εν], Канья
 читает: προσορίσας αὐτῆι καὶ πόλε[ί]ας καὶ | γῶραν ἣν ἔχριν[εν]. Так же прочел эту строку
 Foucart (La formation de la Province Romaine d'Asie, Paris, 1903) за шесть лет
 до издания Канья.

Френкель считает, что речь идет о какой-то завоеванной Атталом III обла-
 сти, которая должна стать равноправной, что вполне согласуется с данными
 другой им же опубликованной надписи (№ 246) о военном походе этого царя.
 Поправка Френкеля все же мало вероятна, так как необоснованно предполагает
 пропуск резчиком двух слов (δεῖν ἰσονομῆσθαι). Современные исследователи чаще

¹ Текст приводится и в дальнейшем цитируется по OGIS, 338.

склоняются к конъектуре Диттенбергера¹, которая представляется наиболее правительной.

Πολιτικὴ χώρα — определенно установившееся для эллинистического государства понятие — означает сельскую территорию, приписанную к полису. Но Пергам, являвшийся столицей государства и резиденцией царя, не имел организации полиса, как это видно и из формулы данного декрета. Это γυνώμη στρατηγῶν, а не постановление ἡ βουλή καὶ ὁ δήλος. В своем завещании, предоставлявшем Пергаму свободу (ἀποκλείουσιν τῆ[μ] πατρίδα ἡμῶν ἐλευθέρην), Аттал III должен был дать ему устройство греческого полиса и позаботиться об оформлении πολιτικὴ χώρα. Это, очевидно, и отмечается в разбираемом декрете².

Как видно из текста, декрет точно датируется 133 г. до н. э., так как он был принят «При жреце Менестрате, сыне Апполодора, в 19-й день месяца Евменейя», когда царь Аттал Филометор и Евергет уже скончался [ἐπεὶ ἰ βασιλεύς Ἄσκαλος Φιλομήτωρ καὶ Εὐεργέτης μεθιστάμενος ἐξ ἀνδράπων].

В мотивировочной части декрета указывается, что к моменту смерти Аттала существовало уже царское завещание, которое «должно еще быть узаконено римлянами». Содержание самого завещания в тексте декрета не раскрывается, но имеется указание на то, что Аттал предоставил Пергаму свободу³. Это краткое упоминание разрешает проблему загадочности завещания Аттала III и неоспоримо доказывает недостоверность известия Саллюстия, считавшего завещание подложным и сфабрикованным позднее в Риме (simulatoque impio testamento)⁴.

Таким образом, из текста надписи следует, что завещание существовало уже к моменту принятия Пергамского декрета 133 г. и давало возможность народному собранию Пергама вынести это свое решение⁵.

Основное содержание его сводится к предоставлению гражданских прав различным слоям населения πόλις и χώρα. Проводится это мероприятие в очень широких размерах и распространяется на разные категории пергамского населения, в особенности же на многочисленные военные контингенты.

Декрет предоставлял права гражданства всем паройкам (παροῖκοι), воинам, живущим в городе и сельских местностях, македонцам и мизийцам, поселенцам гарнизона, жителям древнего города ([τῆ] πόλις τῆ] ἀρχαία κατοίκισ), масидеям (Μασιδυνοῖς), стражникам и наемникам, жившим в городе или имевшим в нем собственность, а также всем женщинам и детям перечисленных категорий (строки 11—19). Декрет, кроме того, предоставлял значительные гражданские льготы целому ряду рабов и вольноотпущенников, переводя их в число паройков.

В паройки переводятся (εἰς δὲ τοὺς παροίκους μεταστῆναι — строка 20) потомки вольноотпущенников, царские (βασιλικούς τοὺς τῶ ἐνθάδε καὶ τοὺς νεωτέρους) и общественные рабы (καὶ τοὺς δημοσίους) всех возрастов, как мужчины, так и женщины, кроме купленных при царях Филадельфе и Филометоре и конфискованных из частных владений (строки 20—26). Декрет заканчивается угрозой по адресу лиц,

¹ Niese, *Gesch. d. Griech. und Maked. St.*, T. III; Segré, *Athenaeum*, XVI (1938), стр. 121.

² Lu z a t t o, *Epigrafia giuridica Greca e romana*, Milano, 1942; Segré (op. cit.) касается Пергамской χώρα в связи с письмом Юлия Цезаря, недавно обнаруженным в Смирне.

³ Моммзен (*Römisches Staatsrecht*, т. III, стр. 726; *История Рима*, т. II, 1939, стр. 55) считает, что под понятием «свободы» следует усматривать обычную для греческих полисов δημοκρατία, которая не противоречит в данном случае римскому господству.

⁴ Sallust., *Ep. ad Mithr.*, 8. Очевидно точку зрения Саллюстия разделял Гораций (*Carm.*, IV, 185) и его схолиаст Порфирий, насколько можно судить из слов последнего: dicendo autem «heres» et «occipavi» suspicionem dat, qua existimemus falso testamento Romanos hanc sibi hereditatem vindicasse.

⁵ Наиболее решительную попытку реконструкции завещания сделал Т. Р. С. Broughton (*T. Frank, An economic survey of ancient Rome*, IV, Balt., 1938, стр. 503—508).

поинувших τῆν πόλιν ἢ τῆν χώραν в связи со смертью царя или собирающихся это сделать. Прямо указываются меры наказания по отношению к таким лицам: они будут лишены гражданских прав (ἀτίμος), а имущество их будет конфисковано. К сожалению, не сохранилась вторая часть этой надписи, содержавшая, по мнению Протта и Кольбе¹, указание на то, что все получившие права гражданства должны быть внесены в особые списки, обнародованные вместе с этим постановлением. Именно этому постановлению мы обязаны имеющимися теперь списками новых пергамских граждан 133 г. Вместе с именем [нового гражданина в списки вносилось имя его отца с названием филы или местности, хотя списки составлены не по филам². Принадлежность к указанным в постановлении группам населения в списках не отмечена (только в одном случае [№ 124] встречается слово κίρσιος), но Μισθούσις указывается всегда. Кого нужно понимать под Μισθούσις, до сих пор не вполне ясно. В современной литературе высказаны различные взгляды по этому поводу, но все исследователи считают эту группу военными наемниками. Рамсэй³ и Канья⁴, опираясь на Плиния⁵, видят в них пафлагонцев, находившихся на службе у пергамских царей, а Протт и Кольбе⁶ ведут это название к упоминаемому Тацитом Mastri, являвшимся военными колонистами македонцев в Гирканской равнине.

Декрет представляет, таким образом, строго продуманную систему поощрений и наказаний для различных слоев пергамского населения ради создания общей безопасности ([ἀναγκαι]ον τέ ἐστιν ἐνεκα τῆς κοινῆς ἀσ[φ]αλείας — строка 8) в Пергаме в 133 г. до н. э.

Такой факт не является единичным в истории древнего мира. Известно неоднократно освобождение рабов в греческих полисах и предоставление ряда гражданских льгот населению в период наибольшей опасности для полиса. Аналогию составляют, например, освобождение рабов Абидоса в момент осады его Филиппом Македонским⁷, широкое наделение земель египетских клерухов (μάγισσι и ἱκπῆσις) Эвергетом II в 130—128 гг. до н. э.⁸, а также известное освобождение рабов Митридатом VI Евпатором, стремившимся привлечь на свою сторону демократическое население Азии.

Какие же обстоятельства могли вызвать проведение таких мероприятий в Пергамском царстве и что происходило там в момент принятия декрета?

Из текста декрета мы установили, что царь Аттал III к этому времени уже умер. Прямых наследников, как известно, он не имел, если не считать его побочного брата Аристоника, незаконного сына царя Эвмена II и эфесской наложницы⁹, который по греческому праву имел основание претендовать на наследование престола. Однако Аттал не допустил этого, составив завещание в пользу Рима. В это же время в стране развернулось большое восстание рабов и свободной бедноты, которое быстро

¹ Prott und Kolbe, Athen. Mitteil., XXVII, 1902, стр. 111.

² Благодаря этим спискам впервые стали известны пергамские филы. Всего их перечисляется в списках двенадцать.

³ Historical Geography of Asia Minor, стр. 126.

⁴ IGR, IV, 289, прим. 12.

⁵ Плиний указывает город Mastye на западе Пафлагонии (NH, VI, 2).

⁶ Op. cit., стр. 110.

⁷ Полибий (XVI, 30) сообщает, что абидяне постановили «освободить рабов, чтобы иметь в них ревностнейших соратников».

⁸ Издатели Тебтунисских папирусов Grenfell и Hunt ставят этот факт в несомненную связь с восстанием 130—129 гг. в Египте, а Хвостов (ЖМНП, 1904, № 9—10, стр. 192 сл.), подчеркивает, что этим фактом Эвергет II старался привлечь к себе египтян.

⁹ Источники дают крайне противоречивые данные о происхождении Аристоника: Liv., Per. LVIII; Sall., Ep. ad Mithr., 8; Flor., II, 20; Just., XXXVI, 4; Eutr., IV, 21,1; Oros., V, 10; Strabo, XIV, I, 38; Diod., XXXIV, 2, 26; Plut., Flam.; Vell. Pat., II, 20. Подробный разбор этого вопроса дан Cardinali (Il regno di Pergamo, Roma, 1906, стр. 129—137).

распространялось по всему средиземноморскому побережью Малой Азии и охватывало многие греческие города его. Во главе этого движения стоял Аристоник.

В современной историографии обычно тесно связывают два выдающихся события в Пергаме: смерть Аттала III и восстание Аристоники¹. Принято считать, что восстание рабов началось после смерти пергамского царя², а Аристоник выступил лишь как претендент на царский трон.

На наш взгляд, текст пергамского декрета и завещание Аттала III позволяют рассматривать эти события несколько в ином свете и установить другую их последовательность.

Декрет следует рассматривать как решительную попытку приостановить быстро растущее число восставших рабов, бедноты и пергамского войска путем предоставления им больших гражданских политических привилегий и запугивания их мерами серьезного наказания. Царское же завещание является признанием полной беспомощности Филометора перед этим же социальным движением во главе с Аристиком, выдвинувшим идею создания нового «государства Солнца», называя восставших «гелио-политами». При этом не обошлось, вероятно, без помощи со стороны опытных римских дипломатов, которые могли подсказать царю этот выход из создавшегося положения³.

Трудно допустить, чтобы молодой пергамский царь⁴, недавно пришедший к власти, сразу же приступил к составлению завещания относительно своего царства без особых для этого причин. Наличие такого завещания после внезапной смерти Аттала III выглядит тем более странно, что все Атталиды отличались долголетием и продолжительностью царствования⁵. Только крайние обстоятельства могли побудить царя на этот шаг. Завещание могло быть вызвано только общей напряженностью обстановки в Пергаме, где, с одной стороны, достигли особой остроты внутренние классовые противоречия, выливавшиеся в нарастание революционного движения, а с другой, внешне-политическая ситуация становилась все более гнетущей под давлением Рима⁶. Оно, кроме того, должно было ставить своей целью не допустить до престола Аристоники, оказавшегося во главе поднимавшегося на борьбу угнетенного населения Пергама.

Появление царского завещания после внезапной смерти Аттала было, повидимому, неожиданным и для его современников, так как вывало тогда же разного рода слухи. Говорили, что смерть царя не могла быть естественной⁷, подозревали подложность царского завещания и причастность римлян к его составлению.

Если сразу же после смерти Аттала III народное собрание Пергама было вынуждено принять важнейший декрет, направленный против революционного движения, то, несомненно, причины, вызвавшие его появление, были налицо еще при жизни последнего царя. Можно предположить, что все краткосрочное пятилетнее правление Аттала III протекало в обстановке крайнего напряжения, вызванного быстрым ростом революционных настроений в стране, а завещание было составлено самим Атталом в условиях полной безвыходности его положения. Революционное движение рабов быстро охваты-

¹ Cardinali, op. cit.; Broughton, op. cit.; Hugh Last, САН, IX, 1932.

² Только Foucart (op. cit.) указывает на наличие недовольства при царском дворе еще при жизни Аттала III (стр. 6). Он же считает, что завещание пергамского царя было актом обдуманной воли.

³ Ферреро. Величие и падение Рима, т. I, М., 1916, стр. 45.

⁴ Возраст Аттала II в Риме, после победы при Пидне, Аттал еще не родился (Polyb., XXX, 2). Поэтому в 133 г. ему не могло быть более 35 лет.

⁵ За 145 лет существования Пергамского царства сменилось всего лишь пять правителей Пергама.

⁶ Полибий указывает, что Рим перестал считаться с Пергамом еще при Эвмене II (Polyb., XXIX, XXX).

⁷ Niese (Gesch. d. Griech. u. Maked. Staat., т. III, стр. 364) считает, что это известие относится к Атталу II, который мог быть отравлен своим долго ожидавшим власти преемником.

вало все угнетенное население Пергама и распространялось на царские войска, которые состояли главным образом из наемников.

Как указывает постановление народного собрания г. Сеста в честь Менеса, сына Менета¹, в это время было очень беспокойно даже на севере Малой Азии, среди фракийских племен, постоянно дававших Пергаму контингенты наемников. О наличии большого числа фракийцев среди восставших сообщают Орозий (V, 10) и Валерий Максим (III, 2, 12), а Флор (I, 2, 20) называет варваров. Пергамский декрет предоставлял права гражданства многочисленным наемникам: македонцам, мизийцам, масдиэнам и разнообразным войскам по охране Пергама, стремясь, повидимому, отвлечь их от восставших и составить прочную оборону города в борьбе с Аристиком. Этим же обстоятельством объясняется, на наш взгляд, и странное поведение пергамского царя, его необузданный террор, потеря самообладания, крайняя подозрительность, выращивание ядовитых растений и уединенность—качества, о которых так красноречиво говорят Диодор (XXXIV, 26) и Юстин (XXXVI, 4).

Аттал III не мог быть каким-то помешанным или маньяком, как его изображают эти авторы. Об этом свидетельствуют его победоносный военный поход², продуманно составленное им завещание и пергамский декрет. Поведение Аттала III не было проявлением только личных душевных свойств царя; оно было вызвано и обусловлено все той же сложной социально-политической обстановкой в Пергаме, которая привела к появлению и царского завещания и пергамского декрета.

Еще Фукар и Кардинали усомнились в точности характеристики Аттала III, данной ему древними авторами. Однако их замечания до сих пор не получили поддержки, и все современные исследователи почти единодушно, но незаслуженно, считают последнего Атталида безумцем и маньяком, страдавшим манией деспотизма, в злобном бешенстве уничтожавшим своих родственников, подчиненных и друзей и совершенно способным к управлению страной.

Это, несомненно, искаженное представление об Аттале III, очевидно, рассеялось бы при наличии текста его завещания; однако и на основании одного только анализа социальной и политической обстановки в Пергаме, проделать который дает возможность пергамский декрет, становится очевидной, по меньшей мере, неточность характеристики пергамского царя, данной ему Диодором и Юстином³.

Оставшись еще ребенком после смерти своего отца Эвмена II⁴, Аттал целых 20 лет был лишен царского престола, которым пожизненно управлял его опекун—дядя Аттал II. Когда же Филометор оказался, наконец, у власти, положение Пергамского царства было уже непоправимым, и молодой царь не мог найти себе опоры ни внутри, ни вне страны. Давно прошло то время, когда римский сенат считался с Пергамом. С тех пор, как Эвмен не был допущен в Рим, Пергамское царство постепенно превращалось в вассальную страну Римской республики, и Аттал не мог рассчитывать ни на какую поддержку со стороны Рима.

¹ OGIS, 339.

² О нем говорится в другой пергамской надписи (Inscr. v. Perg., 246=OGIS, 332), но ничего неизвестно из литературных источников.

³ Необходимо отметить, что античная традиция (Полибий, Страбон, Юстин) изображала и египетского царя Эвергета II, правившего одновременно с Атталом III, таким же чудовищем, не знавшим ничего священного. Однако египетский царь оказался теперь вполне реабилитированным благодаря опубликованию Тебтюнисских папирусов, в которых, как указывает М. Хвостов, «личность царя обрисовывается в благоприятном виде» (ЖМНП, 1904, № 9—10, стр. 219—220). Как известно, в Египте в правление Эвергета II также было очень беспокойно, и в указанных папирусах «неоднократно упоминаются смуты 130—129 гг. до н. э. (ἀμείβια, № 62 (2), 31; № 72, 45; № 84, 12), когда Эвергет II должен был бежать из Египта» (Хвостов, там же). Как видно, древние авторы не смогли оценить сложной обстановки правления этих царей и дали такую характеристику их, которая по существу исказила личность двух царей.

⁴ О происхождении Аттала III см. Cardinali, Il regno di Pergamo, Roma, 1906. Не вполне ясно, был ли он действительно сыном Эвмена II, как принято считать, или, может быть его отцом был Аттал II, которого обычно считают дядей Филометора.

Успешный военный поход Аттала, о котором, к сожалению, почти ничего не известно, закончился присоединением к Пергаму каких-то новых территорий, принес царю восхваление элейцев (*Inscr. v. Perg.*, 246), но не смог разрядить напряженной политической ситуации в стране.

Внутренняя деятельность Аттала была направлена на развитие сельского хозяйства и различных ремесел. Он лично занимался выращиванием различных трав и написал даже учебник по сельскому хозяйству, который, как указал еще Дройзен¹, «долгое время считался лучшим по этому предмету», наряду с сочинениями Гиерона Сиракузского. Последний пергамский царь особенно интересовался литьем из меди и ковкой бронзы (*J u s t i n.*, XXXVI, 4) и, очевидно, хорошо знал естественные богатства своей страны². Однако все мероприятия Аттала не давали никаких положительных результатов, и даже в дворцовой жизни монарха было очень не спокойно. В результате какого-то заговора, при неизвестных нам обстоятельствах, Аттал потерял самых близких ему людей—мать и невесту Веронику (*J u s t i n.*, там же). Это так сильно подействовало на царя (носившего прозвище *Φιλότιμος*), что он стал необыкновенно подозрительным, боялся даже своих товарищей и придворных, считал их своими врагами, уединялся и терял всякое самообладание (*D i o d.*, XXXII, 3). Он стал разводить в своем саду различные ядовитые растения, а действие их проверял на тех из своих друзей, поведение которых казалось ему подозрительным.

Может быть, этим способом Аттал старался найти выход из создавшегося положения, но своими зверствами и убийствами он еще более усложнял и без того тревожную обстановку в стране.

Подозрительность царя переходила всякие границы, и он совершенно потерял возможность управлять государством. Он перестал показываться перед народом и в общественных местах, отстриг себе длинные волосы и бороду, стал носить траурное платье и всю свою энергию перенес на сооружение памятника своей погибшей матери. Увлеченный этим занятием, Аттал заболел горячкой и умер на седьмой день после своего заболевания, весной 133 г. до н. э., процарствовав всего только пять лет.

Плутарх сообщает (*Tib. Gracch.*, 14), что немедленно после смерти Аттала в Рим отправился пергамский посол Эвмен, который повез туда царское завещание, диадему и пурпур.

Все наши литературные источники указывают, что в это время в Пергаме широко развернулось восстание под руководством Аристоника. Страбон (*XIV*, 1, 38) говорит, что Аристонику овладели Левками после смерти Аттала, Юстин сообщает, что Аристонику «после смерти Аттала захватил Азию, как будто отцовское царство» (*XXXVI*, 4).

Внезапная смерть Аттала III в действительности не могла играть решающей роли в развертывании этих событий. Как указывает Пергамский декрет, они созрели и начались, несомненно, до его смерти, а появление завещания, по которому Пергамское царство передавалось Риму, только способствовало усилению и разрастанию восстания, которое могло теперь принять еще новые черты борьбы за независимость Пергамского царства от власти Рима.

Нельзя согласиться с мнением Кардинали о том, что Аристонику выступил в Пергаме значительно позже смерти Аттала и, во всяком случае, не ранее 132 г.³ Эта версия проистекает из основного положения Кардинали о том, что Аристонику выступал тогда как претендент на царский трон (стр. 279), а не как руководитель восстания. Он допускает, что движение рабов могло предшествовать выступлению Аристоника, который вел сначала переговоры с главарями восстания, а затем уже, только в 132 г., оказался во главе его. Кардинали считает, что только после поражения при Кимах

¹ Дройзен, *Ист. эллинизма*, т. III, М., 1893, стр. 324.

² *Rostovtzeff*, *САН*, VIII, стр. 608.

³ *Cardinali*, *op. cit.*, стр. 297—300.

Аристоник задумал объединиться с восставшими рабами и стал развивать свои идеи социального переустройства Пергама.

Разберем те же документы, которые использует для своих доказательств Кардинали: *senatus consultum* 133 г. (OGIS, 435) и два пергамских декрета в честь гимнасиарха Диодора (Cagnat, IGRR, IV, 292 и 293).

Кардинали считает, что спокойный тон, в котором выдержан *senatus consultum* 133 г., свидетельствует об отсутствии в это время каких-либо беспорядков в Пергаме и что повод к выступлению Аристоники содался уже в результате развертывания римской деятельности в Пергаме, когда в Малой Азии появилась комиссия, созданная в Риме на основе указанного *senatus consultum*, т. е. не ранее 132 г. до н. э. Это подтверждается, по мнению Кардинали, еще тем обстоятельством, что первые римские войска, посланные на борьбу с Аристиком во главе с консулом Крассом Муцианом, появились в Малой Азии только в 131 г.

На наш взгляд, сенатское постановление совсем не противоречит предположению о том, что восстание началось до смерти Аттала.

Как видно из его первых строк, *senatus consultum* был вынесен в сентябре, ноябре или декабре месяце (πρὸ ἡμ[ερῶν] ...ἐπιβίωον) насколько позволяет судить оставшаяся часть слова ...ἐπιβίωον. Это было, несомненно, после падения Тиберия Гракха, когда в сенате разбирался уже вопрос об организации новой провинции и о признании распоряжения Аттала III¹. На основании же Аппиана нам известно, что Тиберий Гракх был убит «в то время, когда Аристоник вел в Малой Азии борьбу с римлянами из-за власти» (A p p i a n., Bell. civ., I, 17), т. е., безусловно, еще до принятия указанного постановления. Это во-первых. Далее, нам кажется, что это сенатское постановление можно даже рассматривать как средство борьбы Рима с недоброжелательными пергамцами. *Senatus consultum* признавал и подтверждал все постановления пергамских царей по день смерти Аттала III, а вместе с тем и распоряжение последнего царя, предоставлявшее свободу (ἐλευθερία) Пергаму, а очевидно, и другим греческим городам.

Устанавливая в Пергаме *status quo* по день смерти Филометора, римский сенат не вводил пока никаких новых порядков, что должно было действовать успокаивающе на пергамское население. Поэтому постановлению римского сената 133 г. нельзя придавать того значения, которое имеет в виду Кардинали.

Скорее здесь прав Фукар, считавший, что римляне не предвидели еще всех трудностей борьбы с Аристиком и были плохо осведомлены о пергамских событиях, когда выносили это постановление.

Надо иметь еще в виду, что внимание римского сената и силы его были отвлечены в это время сицилийским восстанием рабов и ведением тяжелой нумантийской войны, а на борьбу против Аристоники уже выступили к этому времени малоазиатские цари.

Рассчитывая на подавление пергамского восстания силами последних, римляне не выслали своих войск в Малую Азию до тех пор, пока не убедились в невозможности этого, а совсем не потому, как предполагает Кардинали, что восстание развернулось только в 132 г.

Два пергамских декрета в честь гимнасиарха Диодора никак не могут подтвердить этой последней даты, так как вообще не дают никаких сведений относительно хронологии восстания. Данные этих документов очень ценны только в том отношении, что убедительно показывают всю тяжесть ведения войны против Аристоники. Понятно, что это могло сказаться не в самом начале войны, а, скорее, в конце ее.

Стремление Кардинали отодвинуть начало восстания рабов и бедноты под руководством Аристоники, по крайней мере, на год позже того, как позволяет

¹ L u z a t t o, op. cit., стр. 127—129; F o u c a r t, op. cit., стр. 18—19.

считать пергамский декрет, представляется мало убедительным. Совершенно необоснованно он следует давно устаревшей хронологии Мейера¹ и Неймана², не имевших еще новых, известных Кардинали, эпиграфических памятников.

Таким образом, проведенный нами разбор эпиграфических памятников и прежде всего пергамского декрета позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, восстание рабов и бедноты в Пергаме началось до издания пергамского декрета, следовательно не после смерти Аттала, а значительно ранее ее, несомненно еще при жизни царя; во-вторых, Аристоник, выступая как претендент на пергамский трон, используя поднимавшееся на восстание население, явился вождем и руководителем большого классового движения, мечтавшим о социальном переустройстве Пергамского царства после победы восставших.

Только так можно объяснить появление завещания Аттала III и разбираемого нами пергамского декрета.

О. Юлкина.

¹ Meyer в статье, помещенной у Ersch und Gruber, Encyclopädie, Leipzig, 1842.

² K. Neumann, Gesch. Roms, Breslau, 1881.